

**Данное издание оцифровано
в Воронежской областной
универсальной научной библиотеке
им. И.С. Никитина**

394018, г. Воронеж, пл. Ленина, 2 / ул. Орджоникидзе, 36

Понедельник– четверг 9.00-20.00

Суббота, воскресенье 12.00-20.00

Пятница -выходной

<http://vrnlib.ru>
<http://vk.com/vounb>
e-mail: vounb@mail.ru
+7 (473) 255-05-91

ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ ВОРОНЕЖСКИМЪ ЕПАРХІАЛЬНЫМЪ ВѢДОМОСТЯМЪ

ГОДЪ XVIII.

№ 8

АПРѢЛЯ 15.

С Л О В О НА ПРАЗДНИКЪ СВ. ПАСХИ.

*Аще Христосъ проповѣдуется,
яко отъ мертвыхъ возста, како гла-
голюють иныи въ васъ, яко воскресенія
мертвыхъ нсть? (Кор. XV.—12).*

Съ такимъ вопросомъ Ап. Павелъ обращается къ Ко-
ринѣскимъ Христіанамъ въ первомъ изъ своихъ къ нимъ по-
сланій. Извѣстно, что этотъ Апостолъ былъ первымъ проповѣ-
дникомъ Христіанской вѣры въ Коринѣ и основателемъ тамъ
Христіанской Церкви. Во время пребыванія своего въ этомъ
городѣ, въ своей проповѣди, онъ, какъ видно изъ этого по-
сланія, изъяснилъ и конечно, сколько нужно, изъяснилъ ясно,
что Христосъ умеръ за грѣхи наши, т. е., чтобы искупить
насъ отъ грѣховъ, а какъ отъ грѣха послѣдовала смерть, о
чемъ конечно тогда же имъ и было сказано, изъ этого каждо-
му изъ нихъ слѣдовало бы заключить, что, если Христосъ
воскресъ и явился многимъ, сперва, на примѣръ, Апостоламъ,
а потомъ и прочимъ ученикамъ Своимъ; но не для того толь-
ко, чтобъ показать, что крестная жертва Его принята и От-

цомъ Его, и что вѣрующіе въ Него отънынѣ очистились отъ грѣховъ, но и для того, чтобъ въ Его воскресеніи они могли видѣть образъ и своего воскресенія; такъ бы слѣдовало, но вышло не такъ, — не все они это уразумѣли. Нѣкоторые, вѣруя въ воскресеніе Христова, говорили, что Онъ совоскресилъ съ собою только наши души, что будетъ продолжаться во все время, пока міръ стоять, а воскресенія мертвыхъ по тѣлу не будетъ, какъ думали нѣкоторые лжеучители. Изъ учителей ли этихъ кто внушилъ имъ эту мысль или они сами пришли къ ней, мудрствуя такъ: «Христосъ воскресъ, какъ Сынъ Божій и тѣло Его не предавалось истлѣнію; а мы все смертны и тѣла наши истлѣваютъ и рассыпаются, какъ прахъ. Какъ они могутъ воскреснуть? и въ какомъ видѣ и мѣстѣ могутъ явиться?» Извѣстясь о разныхъ безпорядкахъ въ Коринѣ. Церкви, а между прочимъ и объ этомъ заблужденіи, Апостолъ, въ концѣ своего посланія, говоритъ имъ, что между воскресеніемъ Христовымъ и будущимъ воскресеніемъ всехъ христіанъ такая тѣсная связь, что, если не будетъ воскресенія мертвыхъ, то значить не было бы и воскресенія Христова, объяснивъ имъ это изъ противоположенія Христа Адаму; за тѣмъ, разными сравненіями, онъ поясняетъ имъ и самую возможность общаго воскресенія, различіе тѣлъ воскресшихъ отъ настоящихъ нашихъ тѣлъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ и различіе самихъ воскресшихъ, по будущей славѣ; наконецъ касается даже вопроса, что будетъ съ тѣлами тѣхъ, кои доживутъ до будущаго воскресенія мертвыхъ.

Между нами здѣсь можетъ б. и нѣтъ такихъ, которые бы прямо отвергали воскресеніе мертвыхъ. Но можетъ б. не мало найдется и такихъ, которые, не разумѣя всей сущности Христіанской вѣры, не видятъ такой тѣсной связи воскресенія Христова съ собственнымъ воскресеніемъ и, предаваясь помысламъ о послѣдней судьбѣ міра, не разъ задумывались надъ вопросомъ: какъ совершится и наше воскресеніе, въ какомъ мы тѣлѣ тогда явимся и т. п.

Чтобь никакія мрачныя мысли не наводили тѣни на эту вѣру въ воскресеніе мертвыхъ, мы послушаемъ, что и какъ говорить объ этомъ столь важномъ и столь близкомъ намъ предметѣ Апостоль.

Св. Ап. Павелъ воскресеніе Господа І. Христа, такъ уже мы замѣтили, ставить въ такой тѣсной связи съ нашимъ воскресеніемъ, что последнее, по его убѣжденію, есть такое необходимое слѣдствіе перваго, что если нѣтъ воскресенія мертвыхъ, то значить и І. Христосъ не воскресъ. На чемъ же онъ это основываетъ? Для объясненія такой тѣсной связи воскресенія Христова съ общимъ воскресеніемъ вѣрующихъ во Христа, онъ беретъ вѣковой опытъ распространенія грѣха и смерти отъ перваго нашего начальника—Адама на все, самое отдаленное, его потомство. Въдъ нарушеніемъ, давной ему заповѣди, онъ одинъ согрѣшилъ, однакожь грѣхъ его распространяется на все его потомство. Этимъ грѣхомъ, расторгнувъ первоначальный свой союзъ съ Богомъ, онъ ослабилъ въ себѣ и тотъ естественный союзъ, въ какомъ по намѣренію Творца, должна бѣ оставаться вѣчно собственная его душа съ тѣломъ,—подвергая осужденію смерти, и вотъ съ тѣхъ поръ всякій изъ его потомства во всю жизнь свою долженъ бояться смерти, каждый день не съ той, такъ съ другой стороны долженъ бояться смерти. Отъ чего такъ? Отъ того, что Адамъ б. родоначальникомъ, корнемъ, или сѣменемъ, всего человѣчества. Но Господь, новый Родоначальникъ рода человѣческаго, въ которомъ пророкъ Исаія предъказуетъ своимъ современникамъ *Отца будущаго вѣка*. Онъ Отецъ и Родоначальникъ именно для вѣрующихъ въ Него, такъ какъ силою Св. Духа, соединяя въ купели крещенія, съ воспріятымъ Имъ человѣческимъ естествомъ и чрезъ то пріемля ихъ въ единство Своего Лица, Онъ возраждаетъ ихъ въ новую жизнь и изъ сыновъ древняго Адама творитъ сынами Божиими. И такъ, если грѣхъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ и смерть нашего перваго родоначальника переходять и на всѣхъ рождаемыхъ отъ не-

въ годъ, то слѣдуетъ: если Христось—новый нашъ Родоначальникъ,
 и по смерти, понесенной имъ за насъ на крестѣ, дѣйствительно
 живъ воскресъ изъ мертвыхъ, то рано-ль, поздно-ль, но имя Его,
 непременно должно послѣдовать и общее воскресеніе всѣхъ Хри-
 стовыхъ, или какъ называетъ ихъ Апостоль, всѣхъ сущихъ
 живыхъ Христѣ. Въ противномъ же случаѣ—если т. е., этаго не
 будетъ, какъ говорили нѣкоторые изъ Коринѣскихъ христіанъ,
 нельзя было бы вѣрить и тому, что и Христось воскресъ изъ
 мертвыхъ; точно такъ же, какъ нельзя было бы вѣрить смерти
 Адама, еслибы никто не умиралъ изъ его потомства. По свое-
 му возрожденію, всякій вѣрующій во Христа, по исходѣ изъ
 купели крещенія, есть едино съ Его человѣческимъ есте-
 ствомъ; для поддержанія и скрѣпленія такого единства Церко-
 умъ и заповѣдано намъ чаще причащаться тѣла и крови Хри-
 стовой. Слѣдовательно и судьба Его, по человѣческому есте-
 ству, должна б. съ нами едина и нераздѣльна. И такъ не-
 льзя, вѣруя въ воскресеніе Христово, не вѣрить въ воскресеніе
 умершихъ во Христѣ, а не вѣря въ будущее воскресеніе умер-
 вшихъ во Христѣ, нельзя вѣрить въ воскресеніе Самаго Христа.
 Кроме показанной несообразности, изъ обоихъ этихъ по-
 ложеній, по замѣчанію Апостола, выходили бы страшныя для
 насъ послѣдствія. Если нѣтъ воскресенія мертвыхъ, сказалъ
 Апостоль, то и Христось не воскресъ. А что изъ этаго? Если
 Христось не воскресъ, продолжаетъ онъ, то и проповѣдь на-
 ша тщетна, тщетна и вѣра ваша, а мы,—это говоримъ о се-
 бѣ,—оказались бы лжесвидѣтелями предъ Богомъ, свидѣль-
 ствуя, что Онъ воскресилъ Христа, тогда какъ выходило бы,
 что Онъ не воскрешалъ Его, если въ самомъ дѣлѣ мертвые—
 не воскреснутъ; вы, значило бы, еще досель всѣ—во грѣхахъ
 и погибли, всѣ умершіе во Христѣ, а мы живые были бы
 несчастіе всѣхъ человѣковъ, если бы только въ этой жизни
 надѣялись на Христа. Если нѣтъ воскресенія мертвыхъ, спра-
 шиваетъ Онъ, то чтожь дѣлаютъ крестящіеся для мертвыхъ,
 чтобъ т. е. составлять одну съ ними Церковь,—одно святое

общество вѣрующихъ? Если снова мертвые не воскреснутъ, такъ затѣмъ же, говорить, крестятся для мертвыхъ? Зачѣмъ и мы (Апостолы) ежечасно подвергаемъ себя бѣдствіямъ за имя Христово? Я—напримѣръ, продолжаетъ онъ о себѣ, каждый день умираю,—т. е. каждый день нахожусь въ опасности за свою жизнь. Въ томъ свидѣтельствуюсь тою похвалою, какую имѣю отъ васъ во Христѣ І. Господѣ нашемъ. Сказать по человѣческому,—когда въ Ефесѣ я боролся со звѣрями, т. е. врагами вѣры Христовой, съ которыми приходилось ему бороться во Ефесѣ, какъ съ дикими звѣрями, предъ насажденіемъ тамъ вѣры Христовой, что мнѣ въ томъ пользы, если мертвые не воскреснутъ, чтобъ т. е. получить тамъ воздаяніе за свои труды и свои подвиги? Тогда оставалось бы каждому сказать: станемъ ѣсть, да пить, ни о чемъ болѣе не заботясь, ибо завтра же быть можетъ и умремъ.

Конечно, можно бы и устранить такія послѣдствія, предположивъ напримѣръ, какъ нѣкоторые предполагали, что Богочеловѣкъ Господь І. Христосъ смертію своею, очистивъ насъ отъ грѣховъ, оживотворилъ только наши души и сдѣлалъ ихъ причастными къ блаженной вѣчной жизни, какою уже и наслаждаются нынѣ души праведныхъ, съ чѣмъ какъ будто согласно и возрѣніе ветхозавѣтныхъ мужей на «шеолъ» т. е. на то безвѣстное мѣсто подъ землей, куда, по слову Божию: *земля еси и въ землю снидеши*, нисходили души всѣхъ умершихъ, которое на греческомъ языкѣ, называемое *адомъ*, какъ въ страну мрака, вѣчнаго безмолвія или молчанія и какъбы какого то усыпленія. Но чтожь бы изъ этого выходило? Выходило бы, что на землѣ открылось бы царство не человѣковъ, а чистыхъ духовъ, котораго царь бы былъ Богочеловѣкъ; родъ человѣческій значить не преобразился бы, какъ бы слѣдовало ожидать, по образцу новаго своего родоначальника, а совсѣмъ уничтожился и вещественный міръ,—обратился бы въ жилище безплотныхъ; но ктожь не видитъ въ этомъ нелѣпости?—родоначальникъ потому и родоначальникъ, что одного рода съ

своимъ потомствомъ. Развѣ предположить, что Онъ и пребы-
детъ Богочеловѣкомъ только по душѣ? Но Онъ по воскресе-
ннѣ являлся намъ не какъ духъ, за что приняи было Апо-
столы, а съ тѣмъ же тѣломъ, въ которомъ былъ положенъ во
гробъ; въ немъ же вознесся на небо, и въ томъ видѣ, по
свидѣтельству Ангеловъ, явившихся народу, взорами сопро-
вождавшему Его на Небо, снова къ намъ придетъ. Выходи-
ло бы, наконецъ, что въ такомъ случаѣ Христосъ исполнилъ
бы половину только своей мисси, ибо Ему, какъ новому Ро-
доначальнику рода нашего надлежало возвратить намъ все,
что мы потеряли въ первомъ, — жизнь не только по душѣ, но
и по тѣлу.

Если жь мертвые воскреснутъ, то какъ же они воскре-
снутъ? Безразсудный! такъ и подобный вопросъ отвѣчаетъ
Апостолъ: *ты еси живъ, не оживешь, аще не умрешь. И
еси живъ, не тѣло будущее еси живъ, а тѣло зерно, аще слу-
чится, тиенны или иной отъ прочихъ.* Что непонятнаго
тебѣ въ будущемъ воскресеннѣ мертвыхъ? Какая, скажешь,
отъ смерти жизнь? Но, если не понимаешь будущаго, чего
еще не видишь, то обратись къ тому, что объ немъ написано
въ настоящемъ и что въ виду всякаго совершается ежегодно.
Все, что ты сѣешь, какъ оживеть? Не иначе, какъ, если
умреть; *не оживетъ*, замѣчаетъ Апостолъ, *аще не умреть*.
Видишь, что сѣемое тобою не только можетъ ожить опять,
если и умреть; но и безъ того не оживетъ, если не умреть,
что смерть даже необходима для его оживленія. Посуди жь
теперь, если Богъ даровалъ такія могущественныя силы при-
родѣ, то какое могущество должно быть у Самаго Бога! Если
оно возмываетъ отъ смерти всѣ роды и виды Его твореннй;
то Богу ли не воскреситъ лучшее изъ всѣхъ Его твореннй на
землѣ, — человека? Но какъ же тѣла наши воскреснутъ,
когда отъ нихъ ничего не остается? Откуда они возмуютъ?
А отъ откуда — берутся всѣ части выходящаго растенія? Ты
сѣешь на примѣръ пшеницу, — и въ тѣхъ ли она полный видъ се-

го растенія, когда ты ее съешь? Гдѣ тутъ корень, гдѣ стебель, гдѣ листья? ничего нѣтъ, — ты съешь одно голое зерно, какъ замѣчаетъ тотъ же Апостолъ? Что жъ выходить, когда оживетъ ово? тогда оно ужъ не то зерно, какое ты сѣялъ, а выходитъ въ полномъ тѣлѣ пшеницы. Посудижъ теперь, если природа одарена такими чудными силами, что бережетъ самыя ничтожные образы, какіе Богъ создалъ и какими отличилъ каждое изъ своихъ твореній, — бережетъ такъ заботливо, что не дастъ погибнуть въ нихъ и малѣйшей чертѣ, то не болѣе ли могущества у Самаго Бога, чтобы соблюсти и оживить тотъ образъ великій, который собственнымъ, такъ сказать, перстомъ начертанъ для лучшаго изъ Его твореній? Ты посмѣялся бы дитяти, если бы оно, видя зерно смѣшавшееся съ землею, сказало: пропало зерно. Ибо ты уже знаешь, что когда придетъ весна и когда ударять на него лучи солнца, тогда умершее сѣмя пуститъ ростокъ, распухнетъ въ стебель, стебель въ стволъ, который и покрывается листьями и даетъ плодъ. Но не такое ли дитя и ты, когда безутѣшно плачешь и ты надъ могилами пресныхъ? Какой, говоришь, ждешь жизни отъ истлѣвшаго труна? такой же, какой ждешь отъ истлѣвшаго зерна. Пожди немного — придетъ весна, взойдетъ наше солнце; тогда воскреснутъ и тѣ сѣмена, какими засѣяны теперь наши могилы.

Если жъ нельзя намъ сомнѣваться ни въ необходимости, ни въ самой возможности воскресенія мертвыхъ, то въ какомъ же тѣлѣ явятся умершіе по воскресеніи? Одинъ — Богъ это знаетъ: не въ его ли волѣ дать каждому такое или другое тѣло? *Еже бо съещи, не тѣло будуще съещи, но голо зерно: Богъ же дастъ ему тѣло, яко восхоцетъ.* Но какъ? Каждому сѣмени свое тѣло. Какъ обширно царство живыхъ твореній! Но смотри, — своя плоть у чловѣка, своя у четвероногихъ, своя у рыбъ и своя у каждой птицы: *не всяка плоть, таже плоть; но ина зубо плоть чловѣкомъ, ина же скотамъ, ина же рыбамъ, ина же птицамъ.* И тако, хотя во

власти Божией всему дать ту или другую плоть; но по своей премудрости, Богъ всякому творенію даетъ плоть, сообразную тому назначенію, какое каждому дано имъ въ этомъ мірѣ. Чѣмъ оно выше въ порядкѣ прочихъ тварей, тѣмъ благороднѣе у него и тѣло. Много тѣлъ и на землѣ и на небѣ, но какъ не одно значеніе тѣлъ земныхъ и небесныхъ, *«то ина слава небеснымъ, ина слава земнымъ.»* И какъ на землѣ каждое имѣетъ свои совершенства, свою величину, свое устройство, свой особенный цвѣтъ, свой особенный видъ, такъ и на небѣ. Всѣ небесныя тѣла исполнены свѣта, *но ина слава солнцу, ина луны и ина слава звездамъ; звезда бо отъ звезды разстаетъ во славу.»* Посему и по воскресеніи мертвыхъ, Богъ всякому изъ насъ дастъ свое тѣло, какое Ему будетъ угодно; ибо кто совѣтникъ Ему? Но всякому *свое* тѣло, т. е. сообразное съ тѣмъ нравственнымъ совершенствомъ, какимъ каждый изъ насъ будетъ отличаться отъ другихъ, и съ тою добродѣтелью, какою кто прославилъ себя въ жизни. Все зависить отъ Бога, но многое и отъ самихъ насъ, — отъ того, какъ мы теперь живемъ, въ настоящемъ тѣлѣ. Смотря потому, какъ мы будемъ усваивать себѣ духъ Христовъ, — отражать свѣтъ Его святой жизни, каждый изъ насъ приобщится и той славы, которую Богу угодно было прославить плоть нашу въ Немъ, по Его воскресеніи, — одинъ въ меньшей мѣрѣ, другой въ большей, третій еще въ большей.

Впрочемъ, хотя у каждаго будетъ свое тѣло, однакожъ всѣ будемъ имѣть нѣкоторыя и общія свойства. *Тѣло* каждаго *снется* здѣсь *во тлѣніе*, продолжаетъ Апостоль, *возстаетъ въ нетлѣніе, снется не въ чести, возстаетъ въ славу; снется въ немощи, возстаетъ въ силу, снется тѣло душевное, возстаетъ тѣло духовное.*

Снется тѣло *тлѣнное*, а возстаетъ въ *нетлѣніи*, а по воскресеніи т. е. сдѣлается уже вѣчно нетлѣннымъ. Это, скажутъ, несообразно съ тѣми понятіями, какія мы имѣемъ о всякомъ тѣлѣ. А воскресеніе нашихъ тѣлъ развѣ сообразнѣе?

развѣ по законамъ природы оно совершится? Или по слову ли Сына Божіа? Услышатъ, говорятъ Онъ Самъ, *гласъъ Сына Божіа и услышавше оживутъ*. Но силѣ того же гласа тѣла наши преобразятся въ нетлѣнные. Иначе спроси каждый у самаго себя, къ чему жъ было бы и общее ихъ воскресеніе, если и по воскресеніи рано или поздно опять должно послѣдовать ихъ разложеніе и истлѣніе. Но всѣ могутъ сказать, воскресенные въ продолженіи земной жизни Господа не вѣчно же оставались въ живыхъ, а умирали снова? Что на это сказать? то, что это были только задатки для увѣренія насъ въ будущемъ воскресеніи. Всѣ тѣ, которыхъ воскресилъ Господь, возстали въ тѣхъ самыхъ тѣлахъ, въ какихъ скончались, безъ всякаго измѣненія; были душевными, какъ называетъ Апостолъ настоящіи наши тѣла, а по общемъ воскресеніи онъ у всѣхъ преобразится въ новыя и притомъ не онъ одинъ преобразится, но съ ними и все ихъ окружающее, — вся вѣшняя природа, вся земля, а можетъ быть вся система небесныхъ тѣлъ, составляющихъ съ нашей землей, одну солнечную систему. Всѣ тѣла, какъ сложные, рано ли, поздно ли, говорятъ, должны разложиться на свои составныя части. Нѣтъ ли должны, нужно сказать, а только могутъ разлагаться на свои части; но, смотря по планамъ всемогущаго, могутъ и не разлагаться, какъ и мы, по своимъ планамъ, иное оставляемъ на жертву разрушенія, а другое поддерживаемъ. Вотъ предъ нашими глазами земля съ солнцемъ и прочими окружающими ея планетами; сколько вѣковъ носятся въ безпредѣльномъ воздушномъ пространствѣ, а въ цѣломъ, при всѣхъ своихъ превращеніяхъ, остаются въ томъ же видѣ; сохраняются въ томъ же порядкѣ, въ своемъ круговращеніи около солнца и себя, въ какомъ ихъ видѣли наши первые родоначальники. По слову Божію онъ такими же останутся и вѣчно; только преобразится. Ради чего существуютъ всѣ тѣла небесныя? Не ради ли существованія разумныхъ, съ которыми Богъ только и можетъ входить въ живое сознательное, съ обохъ сторонъ, общеніе? Земля

напримѣръ, не ради ли челоѵка, которому она дана по владѣтельству и на которой Господь предназначилъ ему поприще жизни? Ради кого и преобразится, какъ не ради опять челоѵка, чтобъ дать ему на ней, въ новомъ блаженномъ состояніи, продолжать новое поприще своей жизни и наслаждаться ею въ полномъ чувствѣ блаженства? Польза челоѵка имѣеть къ нему ближайшее непосредственное отношеніе такъ, какъ даетъ ему все органы, какіе только ему нужны для проявленія его душевной дѣятельности; а душа въ своей дѣятельности можетъ развиваться до безконечности. Растеніе и животное хотя и такія органическія тѣла, какъ и у насъ они, но развились до известной степени, они ужъ не могутъ развиваться до высшихъ; во всю остальную жизнь, по развитію до этой степени, они не обнаруживаютъ ничего въ себѣ новаго, тогда какъ послѣдняя ступень нашего развитія вполне недостижима и въ продолженіе цѣлой вѣчности, такъ какъ цѣль нашей духовной дѣятельности въ Богѣ,—развитіе въ себѣ всѣхъ Его Божественныхъ совершенствъ до того, чтобы мы болѣе и болѣе могли быть участниками Его Божественнаго естества. Слѣдовательно, если тѣло необходимо для полной дѣятельности нашей души, то для безсмертной души нужно и безсмертное тѣло. Самое воскресеніе челоѵка къ новой жизни на землѣ въ новомъ тѣлѣ—для чего между прочимъ Сынъ Божій и сходитъ на землю,—уже ведетъ насъ къ такому заключенію, т. е. что тѣло не случайная—а необходимая, столь же существенная часть челоѵка, какъ и самая душа. Въ самомъ дѣлѣ для чего же бы оно было намъ нужно, если мы по смерти и безъ тѣла могли свободно развиваться—до высоты Богоподобія и ощущать въ себѣ, во всей полнотѣ, блаженство святой жизни? И въ Ветхозавѣтныхъ писаніяхъ мы находимъ указаніе, что челоѵкъ, еще по первоначальному плану Божию, созданъ для безсмертія не только по душѣ, но и по самому тѣлу. «Богъ», сказано, «смерти не сотвори», та Апостолъ дополняетъ, побѣждая, откуда жъ смерть: «*иже имъ, говорить, воцѣла смерть въ міръ*». Слѣдовательно и по первоначальному плану домострой:

тества Божія, человекъ созданъ былъ въ шестѣни, т. е. какъ мы сказали, для вѣчной жизни, не по одной только душѣ, а по душѣ и тѣлу. Если жизнь нашихъ первыхъ прародителей зарисѣла не отъ одной чистоты души или свѣтлости души, но и съ стороны окружающей его природы, такъ какъ Богъ, по изгнаніи нашихъ прародителей изъ рай, сказано въ Библии, воставилъ Херувимъ съ пламеннымъ мечемъ охранять рай, дабы человекъ не могъ вкусить плодовъ отъ древа жизни и оставаться вѣчно живымъ, тѣмъ болѣе, что, по слову Апостола, тѣла первой четы людей были реще немдуховны, какими будутъ по воскресеніи, а душевными, во многомъ сходными съ тѣлами животныхъ; то и это обещано намъ, по воскресеніи. Ибо по воскресеніи вся окружающая насъ природа, какъ видно изъ писанія, будетъ поставлена въ самое благопріятное къ намъ отношеніе. Что видѣлъ Святой Апостоль и Евангелистъ Іоаннъ въ новомъ Іерусалимѣ, который по воскресеніи мертвыхъ, въ бышемъ ему видѣніи, вошла на землю, какъ новый рай для призванныхъ къ блаженству? Ангелъ, говоритъ — Онъ, сказавъ въ своемъ Апокалипсисѣ, объ этомъ Іерусалимѣ, *показалъ мнѣ чистую рѣку воды жизни свѣтлую, какъ кристаллъ, текущую отъ престола Божія, а среди улицы Іерусалима, по обѣимъ сторонамъ этой рѣки, деревья жизни, двѣнадцать разъ приносящее плоды, дающее на каждый мѣсяцъ плодъ свой и листья дерева на исцеленіе народовъ* (XXII—1 и 2.) что конечно нужно понимать такъ, что вся земля тогда обратится въ рай, что ни въ водѣ, ни въ растительномъ царствѣ нашей земной природы, видя той, въ какой каждому будетъ назначено свое жилище, а слѣдовательно ни въ воздухѣ и ни въ чемъ не будетъ тогда никакой смертной заразы, а все будетъ переполнено источниками только жизни. *Степя мезъ чествъ, возстаеъ въ славуъ* Славотѣла составляетъ обыкновенно красоту. Что обыкновенно и теперь болѣе или менѣе придаетъ красоту тѣлу человека. Не лицо ли всего болѣе, какъ представительная его часть? А лицо что?

Не глаза ли особенно? А глазамъ что? Не выраженіе ли нравственныхъ качествъ души его? или просто не душа или? Художникъ, живописецъ или скульпторъ ищетъ, хотя подобіе души, чтобъ придать болѣе красоты изображаемому имъ образу челоуѣка? А душа тогда только истинно—прекрасна, когда въ ней просіеваеъ образъ Божій—или какія нибудь Богоподобныя свойства? Самое прекрасное лице, по своимъ очертаніямъ, противно нашимъ глазамъ, если въ немъ мы видимъ выраженіе злости, гордости, зависти, корыстолюбія, скупости, вообще выраженіе души низкой, поработенной страстямъ или другимъ наклонностямъ, — души испорченной грѣхомъ. Напротивъ самое безобразное лице не привлекаеъ ли къ себѣ, когда въ немъ отсвѣчиваютъ прекрасныя свойства души, его оживляющей? Какъ же должны б. прекрасны наши тѣла по воскресеніи, когда все тѣло будетъ тонкимъ, самымъ прозрачнымъ покровомъ души возродившейся по духу Христову. Тѣло тѣмъ прекраснѣе, чѣмъ оно свѣтлѣе; свѣтъ вообще источникъ жизни и — красота Божіихъ твореній. Этотъ свѣтъ по воскресеніи будетъ окружать и тѣла воскресшихъ. *Праведники*, сказалъ однажды самъ воскресшій Господь І. Христось, *просвѣтятся, яко солнце въ царствіи Отца ихъ*. Этотъ свѣтъ будетъ окружать ихъ въ такой полнотѣ, что былъ бы невыносимъ для нашихъ очей настоящихъ. Моисей, послѣ того какъ удостоился бесѣдовать съ Богомъ на Синаѣ, изнесъ отъ туда такой свѣтъ на своемъ лицѣ, что народъ немогъ прямо смотрѣть ему въ лице, такъ что всякій разъ, когда ему нужно было выходить въ собраніе народа, онъ долженъ былъ являться не иначе, какъ съ покрываломъ на лицѣ. Господь Іисусъ Христось въ дни своей плоти однажды на молитвѣ съ учениками на горѣ Оаворѣ, такъ просіялъ среди полуночи, что лице Его блистало, какъ солнце и самыя одежды поблѣзли, какъ снѣгъ. Въ житіяхъ святыхъ находимъ, что когда кто-то пришелъ къ одному святому старцу и засталъ его на молитвѣ, то ему показалось, что онъ весь былъ въ какомъ то необыкновенномъ свѣтѣ.

венномъ свѣтъ—это и естественно. Вся тѣла на землѣ и при
солнцѣ, намъ кажутся облитыми свѣтомъ. Они отражаютъ на
себѣ свѣтъ солнца. Но что ходитъ для міра и веществаго,
то для духовнаго—Богъ. Почему естественно, свѣтъ и душѣ
отражается образъ Его, и въ томъ изнутри онъ и отражается и
на лицѣ. *Светъ изъ немощи, возстаетъ изъ сидѣ.* Светъ—немоц-
ное, отъ всякаго труда и兹немогаемое, требующее стороннихъ
возбужденій, но отъ избытка и повторенія оныхъ, и часто еще
болѣе расслабляющее, и подверженное столь многимъ и столь
разнообразнымъ недугамъ, что наша медицина нерѣдко затруд-
няется не только въ ихъ пользованіи, но и въ ихъ опредѣленіи,
а возстаетъ въ сидѣ и крѣпости. Теперь чѣловѣкъ, и не имѣя
въ себѣ источника жизни и занимаетъ свое, и почти изъ всѣхъ
царствъ природы, пограждаетъ себя со всѣхъ сторонъ отъ не-
приятнаго дѣйствія стихій; но рѣдко въ этомъ случаѣ успе-
ваетъ и часто страдаетъ отъ чего? Отъ причинъ, по видимому,
самыхъ ничтожныхъ: лучъ солнца ударяетъ въ голову чело-
вѣка, капля иной жидкости попадаетъ въ его желудокъ, и струя
воздуха чрезъ поры пройдетъ глубоко въ его тѣло, послѣдуетъ
какое нибудь измѣненіе въ составныхъ частяхъ атмосферы,
которую онъ дышетъ,—измѣнится пропорція и какихъ нибудь
газовъ, какими она переполнена, и онъ иначаетъ страдать
въ тѣломъ; упадаетъ въ силахъ, преклоняется на одръ,
съ котораго потомъ и сходить въ могилу. Въоствъ инашемъ,
крои духовныхъ силъ, есть еще силы органическія, и посред-
ствомъ которыхъ все сродное естеству нашего тѣла и претво-
ряется въ нашу плоть и кровь, а излишнее или вредное прои-
згоняется и извергается, за тѣмъ да и ишнее поврежденіе пре-
кращается. Но здѣсь съ тѣломъ часто бываетъ подобное тому,
что и съ душою, когда подобно и развѣтатнее и прокря-
дывается, и рѣховная мысль, или и рѣховное чувство какъ чуж-
дое нашей Богоподобной душѣ, мысль и чувство и такого рода
производитъ въ насъ неприятное, и боѣзненное и чувство. Чело-

вѣкъ воспламеняется отъ стыда и страха и въ покаянномъ сознаніи со слезами сдѣлается извергнутой изъ себя эту нравственную заразу, но если на первыхъ порахъ не усилить этого сдѣлать, она скоро можетъ распространиться по всей области ея души. Воля ослабѣваетъ, чувство грѣха приугубляется и не въ силахъ будучи извергнуть изъ себя грѣховныхъ зачатковъ, дѣлается рабой грѣха и нравственной смерти. Но тоже, бываетъ и овъ борьбѣ органическихъ силъ съ болѣзнями и въ сдѣлать, чувствуя въ первый разъ расстройство отъ накопленія въ себѣ нечистаго вещества, оно воспламеняется и сдѣлается болѣзненнымъ начала пригнать къ одному мѣсту, ко внѣшней или внутренней тѣла, или ко внутренней въ видѣ кислоты или къ одному какому либо мѣсту, овъ видѣ нарыва, — расширяетъ его и потомъ вскрываетъ, чтобъ извергнуть тѣмъ или другимъ путемъ, какъ врага, всю скопившуюся въ немъ злокачественную матерію, но часто, не выдерживая потребной напряженности, падаетъ въ неравную борьбѣ съ этимъ врагомъ; зараза сообщается всему тѣлу и, оно переходитъ отъ страданія и еще къ болѣшему умираетъ, превращаясь въ трупъ и тѣніе. Не менѣе терпѣть оно можетъ причинъ чисто нравственныхъ, или душевныхъ: скука, стыдъ или посрамленіе, неудача въ важномъ дѣлѣ, взаимныя ссоры, вражда, нескончаемая болѣзненное настроеніе души, — ипохондрія, о всякая страсть, овладѣвшая человекомъ, изсушаетъ, расслабляетъ и укладываетъ его во гробъ. Но со дня общаго воскресенія, ни со влѣднія внутри, этихъ непріязненныхъ влѣдній на тѣла наши не будетъ. Когда душа наша сдѣлается единымъ духомъ съ Господомъ, тогда и органическія силы, какими живетъ оно, — это такъ сказать изнанка, оборотная сторона души, въ такое придуть съ нимъ отношеніе, въ какомъ тѣло находится съ своей душой. О силѣ въ какой возстанетъ наше тѣло по воскресеніи, можно заключить изъ того, что тогда не будетъ нужды во снѣдъ такъ какъ по откровенію Св. Іоанна Богослова, не будетъ тогда и ночи, что тогда не будетъ въ тѣхъ болѣзней, какія удручаютъ насъ нынѣ.

нѣ; не будетъ такой нужды въ пищу, которая нынѣ составляетъ первѣйшую потребность нашей жизни и изъ за которой многіе забываютъ самыя высшія потребности своей души. Въ насъ самихъ откроется неизсякаемый источникъ жизни и въ чревѣ въ которомъ у иныхъ теперь какъ въ поварнѣ, очагъ никогда не погасаетъ, на столько убавится всѣхъ животныхъ потребностей, что его какъ и не будетъ. И чрево, говоритъ Апостоль, упразднится, по Апокалипсическому изображенію Іоанна Богослова, которое неизлишнее припомнить и здѣсь, среди Іерусалима, спешшему съ неба на землю, отъ престола Господа, который въ немъ устроилъ скинію свою, протекаетъ рѣка живоной воды, а по обѣимъ сторонамъ ея древо жизни 12 разъ каждый годъ приносящее новыя плоды: не будетъ и этихъ страстныхъ движеній плоти и крови, расслабляющихъ и разрушающихъ насъ нынѣ.

Съется тѣло душевное, возстаетъ тѣло духовное. Есть, говоритъ Апостоль, тѣло душевное, а есть тѣло и духовное, такъ какъ первый Адамъ былъ душою только живущею, почему и по тѣлу сталъ душевнымъ (вѣроятно Апостоль разумѣетъ Адама въ состояніи грѣхопаденія), а послѣдній Адамъ духъ животворящій, почему и по тѣлу былъ духовнымъ. Только прежде оно (т. е. наше тѣло) должно быть (и по возрожденіи оставаться) душевнымъ, каково было у перваго Адама, а уже потомъ (въ концѣ міра) должно сдѣлаться духовнымъ. Первый Адамъ, говоритъ Апостоль, былъ душою живущею. Нами замѣчено, что это говоритъ онъ, вѣроятно, о Адамѣ въ состояніи грѣхопаденія. Въ самомъ дѣлѣ, если первый человекъ былъ какъ въ Библии сказано, по образу и по подобію Божию, то надобно полагать, что и въ немъ душой его былъ Духъ Животворящій, на что указываетъ и образъ творенія души человека, а когда вслѣдствіе грѣхопаденія, которое разсторгло нашъ союзъ съ Богомъ, онъ сдѣлался рабомъ грѣха, этотъ духъ низшелъ до состоянія души животной, въ какомъ съ тѣхъ поръ онъ у каждою съ трудомъ, а у иныхъ и съ величайшимъ трудомъ

обнаруживаетъ свойственную ему духовную дѣятельность, подчиняясь преобладающему вліянію животной или чувственной своей природы, отъ чего и настоящее наше тѣло Апостоль и называетъ душевнымъ—животнымъ, отличающимъ насъ малочѣмъ отъ тѣла животныхъ. Но, по воскресеніи, оно уже сдѣлается самымъ послушнымъ орудіемъ нашего духа,—и не преусуществится въ существо духа, а будетъ такъ воспримчиво для всѣхъ духовныхъ возбужденій, такъ во всемъ покорно нашему духу, что человекъ почти не будетъ его въ себѣ и чувствовать, какъ бы онъ былъ чистымъ духомъ, подобно тому, какъ многіе не только изъ древнихъ, но и нынѣшнихъ даже ученыхъ людей, при самомъ высокомъ, въ сравненіи съ древнимъ, научномъ образованіи, предавшись елишкомъ чувственности, до того оплотнѣли, что никакъ не допущется въ себѣ души и воображаютъ, что и въ другихъ, какъ и въ нихъ, кромѣ плоти и крови, особенно нѣтъ ничего.

Коротко сказать: съ воскресеніемъ наши тѣла сдѣлаются, по слову Апостола, подобными тѣлу воскресшаго Господа, котораго онъ назвалъ начаткомъ умершихъ, какъ бы старшимъ братомъ, первороднымъ между нами, для будущей жизни. *Первымъ человекъ, говоритъ Онъ, былъ отъ земли—земной, а второй человекъ—Господь съ небеси; каковъ былъ земной, таковы и всѣ мы теперь земные, какъ рожденные отъ него; а каковъ небесный, таковы современемъ будемъ и мы такими же тѣлами небесными. Какъ прежде носили образъ земнаго, такъ по своему воскресеніи будемъ носить и образъ небеснаго (47—49).*

Начертать такую картину воскресшихъ, Апостоль вдругъ за тѣмъ дѣлаетъ такую оговорку: только при этомъ, говоритъ Онъ, скажу вамъ братіе, что *плоть и кровь не можетъ наследовать Царствія Божія и тлѣніе не наследуетъ нетлѣнія (50).* Какъ это разумѣть? Чрезъ нѣсколько строкъ за сими у Апостола будетъ сказано: *подобаетъ тлѣнному сему облещись въ нетлѣніе и мертвенному сему въ безсмертіе;* а здѣсь Онъ говоритъ совсѣмъ другое: *тлѣніе не наследуетъ нетлѣ-*

ннѣ. Не противорѣчіе ли въ словахъ Апостола? Не очевидно ли, что подъ тлѣніемъ и нетлѣніемъ въ этихъ двухъ мѣстахъ Апостольскаго посланія Апостоль разумѣлъ не одно и тоже? Чтожъ именно? Въ слѣдующемъ выраженіи, которое по видимому совершенно противорѣчитъ тому, на которомъ мы теперь остановились; въ выраженіи: *подобаетъ сему тлѣнному облектися въ нетлѣніе*—оно очевидно разумѣетъ наши тѣла, кои изъ тлѣнныхъ и смертныхъ должны содѣлаться нетлѣнными и безсмертными; а въ настоящемъ выраженіи: *плоть и кровь не могутъ наследовать Царствія Божія и тлѣніе не наследуетъ нетлѣнія*, подъ тлѣніемъ разумѣетъ уже другое—не нынѣшнія наши тѣла, подлежащія тлѣнію, а тоже, что въ первой половинѣ предложенія назвалъ плотію и кровію т. е. людей живущихъ только для плоти, ищущихъ удовольствія только въ угожденіе плоти или чувственности и движимыхъ, вѣсто высокихъ побужденій, свойственныхъ нашей духовной природѣ, одною кровію, страстями и похотями, движущими ихъ кровь; а подъ нетлѣніемъ уже не будущія тѣла,—нетлѣнные и безсмертные, а тоже, что въ первой половинѣ названо *царствіемъ Божиимъ* т. е. нетлѣнный вѣчныя, никогда *поувядаемая блага*, кои говоритъ Апостоль Петръ, *готовитъ Богъ любящимъ Его*. Итакъ смыслъ словъ Апостола въ разбираемомъ нами мѣстѣ можно выразить въ такомъ видѣ: *плоть и кровь, люди плоти и крови, иначе живущіе только для плоти и подвиженію крови,—люди не могутъ наследовать царствіе Божіе, тлѣніе,—люди развратные, развращенные не наследуютъ нетлѣнія—т. е. нетлѣнныхъ вѣчныхъ благъ этаго Царствія*.

Слѣдовательно и грѣшныя въ послѣдній день воскреснутъ? Да! На это прямое свидѣтельство мы имѣемъ въ словахъ самаго Господа І. Христа. Грядетъ часъ, сказалъ онъ однажды Иудеямъ, соблазнявшимся тѣмъ, что онъ Бога назвалъ своимъ Отцемъ: *егда мертвіи услышатъ гласъ Сына Божія и услышавши оживутъ*,—оживутъ, сказано не многіе изъ мертвыхъ; не изъ святыхъ только мертвые, не вообще мертвые, слѣдо-

вательно всё мертвые оживутъ; всё воскреснутъ (Иоанн. VII. 25) а продолжая объ этомъ же рѣчь, далѣе уже и прямо говорить, что *всѣ умершіе воскреснутъ*. Недовольствуясь тѣмъ, что сказано предъ этимъ, и повторяетъ то же; но уже *опредѣленнѣе* прежняго: *порядетъ часъ во оныя всеи сущи во гробѣхъ; услышатъ гласъ сына Божія, и вси издутъ сътворшая благая въ воскресеніе живота; а сътворшая злая въ воскресеніе суда* же (28). Вотъ такъ въ Библии и въ Святомъ Писаніи

Но если смерть необходимо слѣдствіе грѣха, то какъ же грѣшныя то воскреснутъ? Слѣдовательно судъ Божій, изреченный первому согрѣшившему, будетъ уже отмененъ, и приговоръ — не исполнится? Напротивъ онъ усугубится такъ какъ послѣ древняго осужденія ихъ воззовуть на новое — тѣмъ чаше; а послѣ первой смерти — на другую, и за которую уже воскресенія не будетъ; а послѣ смерти смертв духовной, въ которой здѣсь еще въ настоящей плоти тѣлѣи челоуѣкъ, и тѣлѣи въ своихъ грѣховныхъ похотахъ, а потому и тѣлесной — на смерть, разомъ обнимающую — душу и тѣло; — судъ Божій совершившійся по частямъ и въ разное время, наконецъ совершится одновременно надъ всѣми челоуѣкомыи. Первая смерть была временною, не столько карательною, сколько исправительною мѣрою для рода челоуѣческаго, и временнымъ разсторженіемъ съ настоящимъ (видомъ) міромъ; а побуждающая насъ не привязываться слишкомъ къ видимому и чувстведному и не ставить себя цѣлюю жизни угожденіе плоти, а по духу обѣщаннаго — избавителя въ надеждѣ воскресенія, и готовить себя къ новой жизни, а чтобъ въ противномъ случаѣ не подпасть въ вѣчному осужденію. А вторая собственно карательная и вѣнная. Первая за грѣхъ прародителей, а послѣдняя воздастъ каждому по дѣламъ и собственнымъ. Вотъ такъ въ Библии и въ Святомъ Писаніи

На это кто, и вообще можетъ сказать, какая же будетъ эта смерть, когда души грѣшныхъ опять соединятся съ своими тѣлами? Но развѣ въ томъ бываеа жизнь, что душа въ тѣлѣ, а тѣло — бездушный трупъ? развѣ въ томъ жизнь, и чтобъ суще-

ствовать? По слову Божию и по здравому разуму, всякая жизнь состоитъ только въ томъ же, въ чемъ изображается въ немъ внутреннее царствіе Божіе: въ правдѣ, мирѣ и радости о Духъ Святъ. Но въ сознаниіи своей правоты предъ Богомъ, въ ощущеніи въ себѣ глубокаго мира, какъ съ Нимъ, такъ и совѣми своими ближними и съ собственною совѣстью, въ слѣдствіе атаго въ живомъ чувствѣ святой радости, — чувствѣ, которое какъ ключъ живой воды бьетъ изъ внутреннато нашего источника — изъ собственнаго нашего сердца. Когда же ежеминутно сознаю въ себѣ неуравность моихъ дѣйствій, сознаю, что я жилъ и дѣйствовалъ вопреки моей собственной, человеческой, т. е. духовной природы (какъ рабъ) чувствую тревогу и безпокойство, мученіе своей совѣсти, моей или — собственной или окружающей меня природы и случайныхъ обстоятельствъ; чувствую безпрестанно, что только унижаю въ себѣ эту божественную природу, а вотъ того вѣчное безпокойство, тревогу внутри моего тѣла, когда принимаю что нибудь плотское, или несродное потребностямъ моей плоти, безпрестанную брань между духомъ и плотію и почти всегда плѣнникомъ отдаюся *въ рабы* послѣдней, что иногда низхожу на ступень ниже и животнаго, искажая въ себѣ самыя животныя истинныя, вложенныя въ плоть мою для продолженія и усажденія лично моей жизни и укрепленія семейныхъ связей, не полагаю имъ предѣловъ ради высшихъ потребностей изъ любви къ Богу, а напротивъ насильственно ихъ раздражая, тогда какъ и животныя изъ любви и страха къ человѣку умѣютъ сдерживать свои и не выступаютъ за природой имъ положенныя предѣлы, когда питаю въ себѣ враждебныя чувства противъ ближнихъ, среди которыхъ живу, или озлобленъ противъ всего, что не только не соответствуетъ моимъ желаніямъ и ожиданіямъ, но и разрушаю ихъ, когда порчу всякую надежду на лучшее въ будущемъ и прихожу въ отчаяніе; то не разлагаюсь ли я за жива? А что, если подобное ощущаю и въ самомъ тѣлесномъ организмѣ? Что если вижу, или воображаю, что какъ будто самая вышняя

природа въ непосредственной связи съ которою я по своей плоти въ вѣчно непріязненномъ ко мнѣ отношеніи. Что если я жажду и алкаю и не нахожу, чѣмъ утолить голоды и жажду? Что, если чувствую, какъ будто черви кишатъ въ моихъ внутренностяхъ, нищу тепла и не согреваюсь; нищу прохлады и ничто меня не прохлаждаетъ? Наконецъ, что, если я чувствую все это вмѣстѣ и не имѣю надежды на лучшее никогда? А вѣдь слово Божіе представляетъ состояніе грѣшника по воскресеніи именно въ такомъ видѣ; оно унодобляетъ его — то состоянію заключеннаго въ мрачную и холодную темницу, гдѣ плачь и скрежетъ зубовъ, то состоянію брошеннаго въ озеро огненное, то состоянію челоука, въ тѣлѣ котораго гнѣздятся тысячи, кишачихъ червей, — то нищаго, умирающаго отъ голода и жажды. Это состояніе хуже въ сто кратъ той смерти, какую теперь умираемъ. Это, ни смерть, ни жизнь, а безпрестанное умираніе. Богъ источникъ всякой жизни. Въ единеніи съ Нимъ, со духомъ Его, и жизнь и радость, такъ какъ съ Нимъ мы въ союзѣ, любви и со всемі: когда бы мы напиримъ въ истинно вѣровали въ Бога, по ученію сына Его Господа І. Христа, то между нами было бы общее довѣріе, безъ котораго ни чѣмъ не устроить общественной жизни нашей; если бы мы любили Его, то, любя, Его, любили бы и все, что отъ Бога, любили бы другъ друга; если бы все одинаково возлагали свои надежды на Бога, то всемі бы были бы довольны и ничего и никогда не боялись. Одна жизнь проникала бы все. Но безъ Бога распадутся все наши добрые союзы, — теряется связь со всемі міромъ; челоука ставится въ непріятныя отношенія съ природою; ибо по грѣхонаденіи проклята земля въ дѣлахъ челоука; теряется связь другъ съ другомъ, — всякій думаетъ только о себѣ и живетъ на счетъ другаго; теряется связь между тѣломъ и душою: плоть, говоритъ Апостоль, враждуетъ на духа, а духъ на плоть; теряется связь въ тѣлесномъ нашемъ составѣ, и онъ распадается; теряется связь, и въ самой душѣ; такъ какъ ея дѣйствія все больше и больше расходятся въ насъ

съ потребностями ея духовной природы, что рано или поздно, но непременно должно кончиться общимъ разстройствомъ всѣхъ душевныхъ силъ, — помѣшательствомъ ума, расслабленіемъ воли и искаженіемъ внутренняго духовнаго чувства.

Все это сказано по поводу оговорки Апостола послѣ сдѣланнаго имъ описанія свойствъ, какія тѣла наши получаютъ по воскресеніи. Они, сказалъ онъ, будутъ безсмертны, сильны, прекрасны или славны и духовны; но только плоть и кровь царствія Божія не могутъ наследовать, и тлѣніе не наследуетъ, и тлѣнія, по изображенію будущаго состоянія людей плоти и крови, нужно ли что сказать о состояніи ихъ тѣла? Всѣмъ и самъ собой долженъ уже усматривать, что изъ всѣхъ свойствъ, какія Апостолъ приписываетъ воскресшимъ святымъ, тѣламъ грѣшныхъ могутъ принадлежать только два: онѣ должны быть нетлѣнными и духовными. Вотъ только что достанется на ихъ долю изъ всѣхъ плодовъ воплощенія и воскресенія Христова. Но это только будетъ увеличивать ихъ страданія. Не будь они безсмертными, ихъ страданія когда нибудь бы кончились; не будь они духовными, они не видѣли бы въ себѣ безпрестанно отпечатокъ внутренняго состоянія души своей и не такъ бы живо ощущали въ себѣ внутреннихъ своихъ страданій. Что же касается чести и силы, въ которой возстанутъ жившіе во Христѣ, этому они не могутъ быть причастны. Тѣла ихъ будутъ отражать въ себѣ то, что будетъ происходить въ глубинѣ ихъ душъ отверженныхъ. Какая можетъ быть красота въ тѣлѣ, въ которомъ душа обезображена грѣхомъ? Какой можетъ быть свѣтъ на лицѣ человека, въ душѣ котораго грѣхъ раскинулъ свой непроглядный мракъ? Какая крѣпость и сила въ тѣлѣ, душу котораго отъ мученій, претерпѣваемыхъ тѣломъ, точитъ совѣсть, какъ червь, никогда неусыпаемый; или жжетъ какъ огонь, никогда неугасаемый, въ которой мысли безсвязно, безцѣльно блуждающія, въ воображеніи мелькаютъ образы счастливыхъ лицъ прошлой жизни, коимъ ничто уже не можетъ соответствовать въ мѣрѣ преобразованномъ; желанія ничѣмъ не удовлетворяются; воля ничѣмъ неутвержденная, никакой опоры ни подъ собою, ни надъ собою не находящая, чувства отупѣвшія для всего истиннаго, добраго и истинно прекраснаго? Отъращеніе отъ настоящаго, никакой надежды на будущее, а кому неизвѣстно, что значить отчаяніе, когда и слабая, сомнительная надежда убиваетъ духъ человека; — сперва ожесточаетъ, потомъ расслабляетъ и наконецъ сводитъ съ ума и въ

нуждаеть человека посягать на самоубийство. Но самоубийство, каким такъ легко человекъ избавляется здѣсь отъ своихъ страданій, при безсмертномъ тѣлѣ невозможно.

Вотъ картина: тѣла людей праведныхъ святыхъ, которые въ настоящей жизни, по крещеніи въ жизнь Христову, усъдѣли сколько нибудь вообразить въ себѣ Христа и по Немъ удостоились быть истинно сынами Божиими, и людей умершихъ въ расгнѣннѣй дорогой жизни, воспріятой въ купели крещенія грѣшниковъ. Но при этомъ замѣтимъ, что первая вѣрная во всѣхъ чертахъ, а послѣдняя по одной чертѣ довольно еще сомнительная — именно по духовности ихъ тѣлъ. Тѣла духовныя должны быть легки и не должны подлежать законамъ тяготѣнія, какъ теперь наши чувственныя — душевныя. Апостолъ Павелъ говоритъ: вотъ мы то говоримъ вамъ и притомъ словомъ Господнимъ, что мы живущіе, — оставшіеся т. е. въ живыхъ до пришествія Господа, вмѣстѣ съ умершими во Христѣ восхищены будемъ по воздуху на встрѣчу Господа и т. образомъ на всегда съ Господемъ будемъ. (Фессал. V. 15—18). Говорилъ это объ умершихъ только во Христѣ, а не о всѣхъ Тѣ восхищены будутъ по воздуху на облакахъ, а объ умершихъ не во Христѣ не упоминается при этомъ ничего, что даетъ намъ по видимому заключати, что, можетъ быть, тѣла ихъ и не будутъ духовны, хотя такъ же какъ и тѣ будутъ безсмертны; тѣла умершихъ во Христѣ вознесутся по вселеніи ихъ душъ къ Нему, по передвиженію въ нихъ центра тяготѣнія изъ тѣла и земли въ душу, въ силу того, что преобладаетъ въ нихъ духовное начало надъ вещественнымъ; а душа грѣшныхъ всю жизнь свою жила по плоти, такъ естественно кажется и по воскресеніи ихъ останется подъ тяготѣніемъ вещества.

Перейдемъ къ послѣднему вопросу, который въ непосредственной связи съ предметомъ настоящаго слова. Чтобы воскреснуть — нужно быть мертвымъ. Неужели день воскресенія застанетъ на землѣ всѣхъ мертвыми, когда вездѣ будутъ на ней только гробы и труны? Нѣтъ. Въ Евангеліи сказано, что онъ застанетъ насъ такъ же внезапно, какъ въ дни потопа — людей древнѣйшаго міра. Если такъ, то чтоже тогда послѣдуетъ съ живыми? Что говорить объ этомъ Апостолъ? *Се тайну говорю вамъ, продолжаетъ Онъ, не вси мы умремъ, вси же изымимся во мнновеніи ока при послѣдней трубѣ* (51—52).

Всѣ изымимся во мнновеніи ока. Какъ это ни чудесно, но не совершается ли нѣчто подобное и теперь? Присмотримся

ближе ко всѣмъ отправленіямъ тѣла. Какъ живетъ оно, пребывая въ цѣлости во всемъ своемъ составѣ, оно безпрестанно почти ежеминутно истлѣваетъ и воскресаетъ, потому что безпрестанно бывшія въ составѣ его частицы, то чрезъ поры, то другіе органы изъ себя извергаетъ, а новыя въ себя принимаетъ. По замѣчанію естествоиспытателей, у насъ въ дѣтствѣ чрезъ семь, далѣе чрезъ двѣнадцать лѣтъ, частицы тѣла однѣ убываютъ, а другія прибываютъ; такъ что у однихъ чрезъ каждыя семь, у другихъ чрезъ 12-ть лѣтъ, какъ бы спадаетъ все прежнее тѣло и облекается въ новое. Послѣ сего, что удивительно, если при посредственномъ воздѣйствіи силы Божіей, въ дни обновленія земли и неба, и наше тѣло, — эта тяжелая — грубая и уже здѣсь постепенно истлѣвающая смертная оболочка мгновенно измѣнится и преобразится въ новое съ тѣми чудными свойствами, какія предъ симъ изобразилъ Апостолъ. Что теперь совершается въ тѣлѣ каждаго изъ насъ по частямъ; то въ то время вдругъ совершается во всемъ составѣ тѣла; что теперь совершилось въ насъ въ теченіи вѣсколькихъ лѣтъ, то въ то время совершится въ одно мгновеніе. Время преображенія настоящей жизни, а съ нею и настоящихъ нашихъ тѣлъ будетъ полно такихъ же чудесъ, какъ и во дни творенія.

Подобаеть бо, говоритъ Апостолъ, тлѣнному сему облещися въ нетлѣніе и мертвенному сему облещися въ безсмертіе. Подобаеть сему тлѣнному облещися въ нетлѣніе. Это можно разумѣть и о тѣлѣ человѣческомъ, сему тлѣнному нашему тѣлу въ семъ мірѣ нынѣ исполненномъ тлѣніемъ и смертію, такъ какъ въ посланіи къ Римлянамъ, этотъ же Апостолъ, говоритъ, что *и самая тварь освободится отъ рабства тлѣнію въ свободу чадъ Божіихъ.* Если разумѣть здѣсь только наше смертное тѣло, то это причина б. безъотчетная, это тоже что сказать бы: тѣла мертвыхъ преобразятся и мы измѣнимся такъ же потому, что такъ нужно. Если же разумѣть о необходимости измѣненія всей земли, въ такомъ случаѣ въ словахъ Апостола будетъ причина, уясняющая дѣло. Но вопросъ, на что эта причина? Не на то нужно полагать, почему послѣдуетъ воскресеніе и преображеніе всѣхъ мертвыхъ, а на то именно, почему одаже и оставшіеся въ живыхъ вмѣстѣ съ нами должны преобразиться, потому что не отъ преображенія всей окружающей насъ природы, а она сама, сама то есть природа, на оборотъ должна преобразиться вѣдствие воскресенія и преображенія мертвыхъ, такъ какъ природа для чело-

вѣка, а не человекъ для ней. Но измѣненіе даже и живыхъ съ мертвыми необходимо дѣйствительно отъ того, что измѣнится все. Самое совершеннѣйшее въ настоящее время и при настоящемъ положеніи міра, негодится, когда ужь измѣнится все. Надъ нами будетъ небо ново, какъ однажды было показано Іоанну въ откровеніи, а подъ нами земля нова. Возможно ли, чтобъ и то, что въ насъ — измѣнилось, — и тѣло наше осталось тѣмъ же смертнымъ тѣломъ, каково оно у насъ теперь? Если и теперь при измѣненіи воздуха, воды и прочихъ стихій, оно въ насъ скоро измѣняется, принимая лучшее или худшее состояніе, то невозможно, чтобы во всемъ не преобразилось тогда, когда вокругъ обновится все. Если составъ нашего тѣла приспособленъ къ тѣмъ стихіямъ, въ средѣ которыхъ мы живемъ, то тѣло наше, по необходимости, должно будетъ раздѣлать съ нами тѣ же свойства или качества, которыя въ послѣдній день должны будутъ — принять всѣ эти стихіи. И вотъ продолжаетъ Апостолъ, когда все тѣльное облечется въ нетлѣнное и смертное облечется въ бессмертіе, *тогда и сбудется наша сажне у одного Пророка: Смерть! гдѣ теперь, твое жало? Адъ! гдѣ твоя побѣда* (Осіи XIII—14.). Благодареніе же Богу, какъ мы начали, такъ и закончимъ славами Апостола: *Богу даровавшему намъ, побѣду Господомъ нашимъ І. Христомъ, побѣду т. е. надъ такими страшными врагами, каковы для насъ адъ и смерть. Тѣмъ же, братіе, тверды бываемъ, не постыжие (ни на шагъ не подаваясь) назадъ; но избыточествующие въ дѣлѣ Господни, всегда одязи, яко трудъ нашъ не тщетенъ будетъ предъ Господомъ. Аминь.*

С Л О В О

ВЪ НЕДѢЛЮ ПРАВОСЛАВІЯ.

По вѣрѣ во Христа мы, Христіане, по вѣрѣ этой спасаемся, но по этой же вѣрѣ уповаемъ, по смерти содѣлаться наследниками царства и славы. Это можетъ быть всякій изъ насъ знаетъ, но вотъ что худо, не всѣ одинаково разумѣютъ существа Христіанской вѣры, того что съ нашей стороны для нея требуется, и чего отъ насъ она требуетъ. Въ чемъ состоитъ наша вѣра? Какъ она приобретається, или что нужно съ нашей стороны, чтобы приобрести ее, если

она въ насъ есть, какъ ее соблюсти, увѣрннть и возвысить, какое должно быть употребленіе нашей вѣры, чтобъ и имѣющей ее въ себѣ, не оставался безъ плодовъ отъ ней, или какъ говорить Ап. Павелъ: *чтобъ эта благодать не была нами принята напрасно*. Отвѣтъ на эти вопросы—вотъ о чемъ наше тутъ слово. *Вѣра* вообще, по слову этого же Апостола, *есть упование на невидимыя*, вещей *невидимыхъ* обличеніе. Если точнѣе переложить эти слова съ нарѣчія, на которомъ это сказано, на наше, это значитъ: вѣра есть утвержденіе, какъ бы осуществленіе предъ собой, или живое представленіе себѣ того, что намъ Богомъ обѣщано и чего мы ожидаемъ, и столь же живая увѣренность въ подлинности всего, въ чемъ увѣряетъ насъ слово Божіе; но чего мы простыми глазами видѣть не можемъ. Въ этихъ словахъ показаны и *предметъ* и *сущность* святой вѣры. Предметъ ея *уповаемое* и вообще *невидимое*. Чтожъ изъ всего этого составляетъ предметъ собственно нашей вѣры? Все то, что, на всякомъ Богослуженіи, напоминаетъ намъ, при чтеніи *символа вѣры*, который есть не иное что, какъ изображеніе, въ сокращенномъ видѣ, всего, во что должны мы вѣровать. Невидимое—это во 1-хъ *Богъ*, существующій въ трехъ лицахъ, имено *Богъ Отецъ*, какъ Творецъ и Вседержитель, *Сынъ Божій*, вочеловѣчившійся нашего ради спасенія, кровію своею искупившій насъ изъ подъ власти діавола, а съ тѣмъ вмѣстѣ отъ грѣха и вѣчной смерти и изведшій насъ въ свободу чадъ Божіихъ, *Духъ Святой*, низпосланный отъ Отца совершить въ каждомъ вѣрующемъ то, что самъ Онъ совершилъ въ дни плоти своей для всего человечества; во 2-хъ *церковь*, или святое общество спасаемыхъ, какъ таинственнѣею Христовою живою храмомъ Духа Святаго, хранительница благодатныхъ даровъ Его, столбъ и утвержденіе истины. *Уповаемое*, или ожидаемое,—это судъ, по смерти каждаго, воскресеніе мертвыхъ, затѣмъ судъ всеобщій и жизнь будущаго вѣка, для праведныхъ вѣчно блаженная, а для грѣшниковъ вѣчно мучительная. Короче,—это *Богъ проявившій себя во Христѣ*, и все что сдѣлать для насъ Христосъ, что обѣщаетъ намъ по смерти и чего теперь ожидаетъ отъ насъ; или иначе Христосъ со всѣмъ, что Онъ сдѣлать для насъ, какъ обѣщанный отъ вѣка намъ Спаситель, чему Онъ насъ училъ, что завѣщаль и что обѣщаль вѣрующимъ во имя Его. *Всякій вѣрующій въ эти истины есть христіанинъ*. Но

чтобъ вѣрующій въ эти истины могъ быть истиннымъ сыномъ именно *православной* церкви, онъ долженъ и разумѣть ихъ, какъ разумѣть она: ибо еще во времена Апостоловъ были христіане, извращавшіе ученіе Христово, на коихъ Ап. Павелъ изрекаетъ: *анаѳема. Хотябъ сказалъ онъ, и Ангелъ съ небесъ сталъ вамъ благовѣствовать не то, что благовѣствовали вамъ мы, да будетъ анаѳема* (1. 6—8). И въ самомъ дѣлѣ, если-бъ всякому дозволить водиться собственнымъ разумѣніемъ въ дѣлахъ вѣры, въ такомъ случаѣ, многое если не все, что въ ней есть выше нашего разумѣнія,—что для плотскаго человѣка кажется, по выраженію Апостола, буйствомъ или юродствомъ,—все это было бъ или извращено разными толкованіями, либо и вовсе отмѣнено, тогда какъ въ этихъ мѣстахъ писанія можетъ заключаться самая сущность вѣры. И члены церкви, распадаясь на разныя части по разнымъ понятіямъ о предметахъ вѣры, ужъ не могли бы составлять одного тѣла: у каждаго былъ бы свой Христосъ, или, по выраженію Апостола, тогда раздѣлился бы Христосъ. Почему право учить и изъяснять истины вѣры Господь и предоставилъ только избраннымъ на это дѣло служенія, сперва Апостоламъ, когда сказалъ имъ: *слушай васъ мене слушаетъ и отмѣняетъ васъ мене отмѣняется*, а чрезъ нихъ и преемникамъ ихъ Апостольскаго служенія,—пастырямъ и учителямъ церкви. *Однихъ*, говоритъ Апостоль, *онъ поставилъ Апостолами, другихъ пастырями и учителями для созиданія тѣла Христова, доколе вси не прійдутъ въ единство вѣры* (Еф. IV. 11—14). И такъ православная вѣра состоитъ не только въ познаніи и признаніи истины показанныхъ въ символѣ вѣры, но и въ разумѣніи ихъ, не по своимъ толкамъ, а непременно по духу православной церкви, т. е. въ разумѣніи ихъ, на основаніи прежде всего первыхъ ихъ истолкователей—самихъ Апостоловъ, потомъ ближайшихъ ихъ преемниковъ, то есть такихъ, которые пріяли ихъ изъ устъ Апостоловъ, и наконецъ собора отцевъ церкви, живію доказавшихъ, что они были органами тогожъ самаго духа, коимъ одушевлялись и Апостолы, безъ чего членамъ церкви никогда не было-бъ возможности прійти въ *единство вѣры*, о чемъ всего болѣе заботились Апостолы. Сказавъ о предметахъ нашей вѣры, теперь скажемъ и о томъ въ чемъ-*существо* ея. Оно состоитъ не просто въ увѣренности во всемъ, чему учить Св. церковь, но въ увѣрен-

ности столько жь твердой, какую мы имѣемъ къ показаніямъ собственныхъ чувствъ и въ предметахъ, имъ подлежащихъ. Примѣръ такой вѣры показанъ намъ въ Авраамѣ, который, полагаясь на вѣрность даннаго ему Богомъ обѣтованія, что отъ жены его Сарры родится такой сынъ, въ которомъ благословятся современемъ всѣ племена земли,—обѣщанія, даннаго ему въ такое время, когда какъ онъ, такъ и жена его оба они были уже въ преклонныхъ лѣтахъ, полагаясь на это обѣщаніе болѣе, чѣмъ на настоящее и видимое, по выраженію Апостола Павла, *pace упованія въ упованіе върова*; за что и названъ отцемъ и образцомъ для всѣхъ вѣрующихъ (Рим. IV. 18—20). Апостоль Іаковъ, побуждая вѣрующихъ достигать такой же степени вѣры, необходимость ея объясняетъ такъ: *сомнѣвающийся, говоритъ, котораго сердце двоится, не твердъ будетъ во всѣхъ путяхъ своихъ; онъ подобенъ волнѣ морской вѣтромъ поднимаемой и вѣтромъ же разбиваемой*. Примѣръ той и другой вѣры можно видѣть въ Ап. Петрѣ. Всѣмъ конечно извѣстенъ случай, бывшій съ нимъ на озерѣ Геннисаретскомъ, когда онъ плылъ по немъ на кораблѣ, и увидавъ подходящаго къ немъ Господа, испросилъ дозволеніе и ему пройти къ Нему по этой зыбкой стихіи. Пока онъ съ твердою вѣрой въ силу Божию шель на встрѣчу Господу, онъ шель по водамъ, какъ по суху. Но едва набѣгавшія волны отвлекли его вниманіе отъ мысли о всемогуществѣ его Божественнаго учителя, въ которомъ онъ исповѣдалъ Мессію и Сына Божія, колебаніе вѣры его тотчасъ сообщилося и его ногамъ, такъ что онъ сталъ было утопать. Поэтому примѣру всякій заключай: чѣмъ вѣра наша въ Бога и во Христа крѣпче, тѣмъ крѣпче и нашъ съ Нимъ союзъ, а чѣмъ слабѣе, тѣмъ слабѣе и она,—тѣмъ болѣе человекъ оставляется самому себѣ.

Еслибъ кому показалось, что вѣра въ невидимое и упваемое не можетъ равняться убѣжденію въ видимомъ и настоящемъ, тотъ пусть вспомнить слова Господа: *не возможная человеку возможна суть у Бога*, такъ какъ твердая истинная вѣра отъ Бога. Когда, говоря о хлѣбѣ спешнемъ съ небесе и дающемъ жизнь міру, Господь сказалъ, что этотъ хлѣбъ есть Онъ Самъ и замѣтилъ, что между слушавшими Его изъ за этихъ словъ произошелъ о Немъ споръ, что Онъ имъ сказалъ? *перестаньте спорить*, сказалъ имъ, *никто не можетъ придти ко Мнѣ, кого не привлечетъ*

Отецъ, — кому того не дано отъ Отца Моего. А когда на вопросъ Его: за кого меня признають въ народѣ, и потомъ за кого-вы? Ап. Петръ отозвался: *Ты еси Христосъ, Сынъ Бога Живаго*, что Господь на это ему замѣтилъ? *Блаженны ты Симонъ*, это было первоначально именемъ Ап. Петра, сказалъ Онъ, *это не плоть и кровь явили тебѣ, а Отецъ мой, иже ни небесныхъ*. Подобное замѣчаніе въ книгѣ Апостольскихъ дѣяній и объ обращеніи къ вѣрѣ какой-то Лидіи, увѣровавшей въ Господа, по проповѣди Ап. Павла. *Господь*, сказано въ книгѣ Апост. дѣяній, *отверзе ей сердце внимати евангеліемъ отъ Павла*. Почему Ап. Павелъ вѣру во Христа, въ одномъ мѣстѣ своихъ посланій, считаетъ именно въ ряду даровъ св. Духа, а въ другомъ и прямо называетъ даромъ Божіимъ: *Благодатию спасены вы чрезъ апру*, пишетъ онъ къ Ефескимъ христіанамъ, *и это не отъ васъ, а даръ Божій*.

Она т. е. твердая, неограничивная вѣра во Христа и дѣйствительно есть даръ Божій не потому только, что все, во что мы вѣруемъ, есть даръ Божій; не потому только, что все, во что мы вѣруемъ, есть Божіе откровеніе, но и потому, что Богъ же содѣйствуетъ намъ не только къ принятію Своихъ откровеній, но и къ утверженію ихъ въ сердцахъ вѣрующихъ, благодатию Духа Своего, какъ бы самымъ нѣжнымъ елеемъ, умягчая сердца наши, какъ бы разрыхляя въ насъ эту грубую почву для посаженія истинъ вѣры. Это современное дѣйствіе внутрь насъ Св. Духа Ап. Іоаннъ называетъ внутреннимъ помазаніемъ отъ Святаго — и что говоритъ о немъ? *это помазаніе, говорить, учитъ васъ всему, и все, чему оно ни учитъ, истинно, не ложно*. Въ самомъ дѣлѣ, когда вы слушаете проповѣдника вѣры, или сами читаете слово Божіе, справедливо замѣтилъ одинъ проповѣдникъ, то все вами слышимое, или читаемое, можетъ быть, и покоряетъ себѣ вашъ разумъ; — вы соглашаетесь, что это все такъ, что это истина, — но не покоряетъ еще вашего сердца и вашей воли. Это будетъ вѣра ума, а не сердца, — въ мысляхъ, а не въ чувствахъ, — обыкновенная вѣра людей плотскихъ или, по выраженію Ап., душевныхъ. А благодать Св. Духа, какъ елей, проникаетъ внутрь васъ и, умягчая тамъ все свят. своимъ помазаніемъ, истинны вѣры глубоко отпечатлѣваетъ на скрижаляхъ самага вашего сердца, гдѣ собственно и долженъ быть престолъ вѣры, по сказанному Ап. Павломъ: *сердцемъ*

вручается въ правду. Когда вы, слыша или читая слово Божіе, чувствуете сотрясеніе въ глубинѣ души своей, — чувствуете что сердце ваше, какъ будто разгорается, растворяется, или сокрушается, а при этомъ чувствуете и потребность въ слезахъ, — вотъ знакъ, что на васъ воздѣйствовало это помазаніе отъ святаго.

Впрочемъ истинная вѣра не простой даръ, но и награда достойному, — кому жъ? тому, кто самъ заботится предрасположить свое сердце къ воспріятію дѣйствій Духа Божія. А къ этому можно располагать его только смиреніемъ, дѣтскимъ простодушіемъ, вниманіемъ къ себѣ, молитвою и рѣшительнымъ желаніемъ исполнять волю Божію, чтобы быть уютнымъ Ему. Первое условіе къ усвоенію и утверженію въ себѣ вѣры есть смиреніе; по словамъ Господа, тотъ рѣшительно не способенъ къ вѣрѣ, кто слишкомъ дорожить людскимъ о себѣ мнѣніемъ, — дорожить имъ паче славы Божіей. *Какъ вы можете вѣрвать, говоритъ онъ тщеславнымъ Фарисеямъ, славу другъ отъ друга пріемлюще и славы, яже отъ единого Бога, не ищуще.* А какой отвѣтъ далъ Господь о вѣрѣ язычниковъ Капернаумскаго сотника, просившаго объ исцѣленіи любимаго слуги своего и Хананейки, просившей Его — объ исцѣленіи своей дочери? *Иисусъ, замѣчаетъ Евангелистъ, повѣствуя объ исцѣленіи слуги сотника, удивился и сказалъ: такой вѣры не видѣлъ и въ Израилѣ.* а объ исцѣленіи дочери Хананейки говоритъ: *о женщина! велика твоя вѣра; да будетъ тебѣ по твоему желанію.* Отъ чего жъ это одна и таже благодать, исходившая изъ устъ Господа Иисуса Христа и проявлявшаяся во всѣхъ Его чудотвореніяхъ, на Фарисеевъ не производила никакого особеннаго впечатленія, а въ этихъ язычникахъ возбуждала столь великую вѣру, по силѣ которой страдалецъ сотника почти воскресъ изъ мертвыхъ, а страдалица Хананейка освободилась отъ страшныхъ узъ овладевавшего было ею діавола? Отъ того, что въ послѣднихъ не было того, что затворяетъ сердце отъ вѣры въ Господа, а было, что отверзаетъ сердце для этой святой, чудодѣйственной вѣры, было глубокое смиреніе. *Господи, говоритъ сотникъ, когда Господь былъ уже на пути къ его дому, я не достоинъ, чтобы ты вошелъ въ домъ мой; но скажи только слово, и исцѣлитъ отрокъ мой* (Мар. VII. 6—7.). Еще болѣе показала смиренія Хананейка. Когда услышавъ, что Господь приближается къ ея городу, стала она просить Его за свою дочь,

а Господь не отвѣчалъ ей ни слова, она не оскорбилась такимъ по видимому пренебреженіемъ, а все продолжала умолять Его, такъ что Апостолы стали ходатайствовать за нее, прося отпустить ее, потому что, говорили, она за нами все кричитъ. Я, отвѣчалъ имъ Господь, *посланъ только къ погибшимъ овцамъ дома Израилева*, когда жъ Господь вошелъ уже въ какой—то домъ, гдѣ вѣроятно для Него была приготовлена трапеза, и она зашедъ туда же за Нимъ, и упавъ къ ногамъ Его, снова стала повторять свою просьбу, тутъ Господь, хотя и далъ ей отвѣтъ, но такой, который для самолюбія другаго человека могъ бы показаться оскорбительнѣе самаго молчанія: *несправедливо было бы, отвѣчалъ Онъ ей, отнять хлѣбъ у дѣтей и бросить его псамъ, чѣмъ Иудей обыкновенно называли язычниковъ, но она съ кротостію на это отвѣчала такъ, Господи, но и пси тутъ же ѣдятъ крошки, падающія со стола своихъ хозяевъ.* Такой умный отвѣтъ смиренной женщины такъ угоденъ былъ Господу, что Онъ сказалъ: *за это слово иди т. е., домой иди: блсъ вышелъ изъ твоей довери.* (Матѳ. VII. 24—29.). И такъ хотя Господь сказалъ, что Онъ посланъ къ погибшимъ овцамъ дома Израилева, но воть Иудейскіе учителя по своей гордости, не увѣровали въ Господа, а драгоценный даръ вѣры, — ключъ ко всемъ прочимъ дарамъ благодати, предлагаемой народу Божію, перешелъ къ этимъ язычникамъ, за ихъ смиреніе. Второе условіе для усвоенія и укрѣпленія въ себѣ вѣры — *дѣтская простота сердца.* *Аще не примете,* говоритъ Онъ ученикамъ своимъ, *царствія Божія, яко дѣти, не узрите царствіе Божіе;* и въ молитвѣ къ Отцу своему славить Его, что Ему угодно было устроить такъ. *Славаю Тя, Отче небесе и земли,* говорилъ Онъ въ этой молитвѣ, *яко утаилъ еси сия (все т. е. чему Онъ училъ народъ) отъ премудрыхъ и разумныхъ и открылъ та (это) младенцемъ, (разумѣетъ простодушныхъ, жителей весей): тако бо есть благоволеніе предъ Тобою.* Вотъ на это и примѣръ. Наанаилъ не хотѣлъ вѣрить, чтобы изъ Назарета, откуда былъ Господь Иисусъ Христосъ, могло что добро быть; но при встрѣчѣ съ Господомъ, отъ первыхъ почти Его словъ, воскликнулъ: *Ты подлинно Христосъ, Сынъ Божій, Царь Израилевъ.* Отъ чего? Отъ того, что, по отзыву объ немъ Самаго Господа, это былъ *истинный, прямой Израилѣтанинъ,* — безъ всякаго лукавства, человекъ слѣдовательно прямодушный, — простаго дѣтскаго, открытаго сердца. Это

не та простота, которая всему вѣрить слѣпо и наплодила столько суевѣрій, а простота, которую Апостолъ называетъ *Христовою*, и которую съ такою заботливостію старался охранять въ средѣ вѣрующихъ. *Вотъ*, писалъ онъ въ одномъ посланіи къ вѣрующимъ, *чтобы вы не уклонились отъ простоты Христовой*. Это не ума простота, а сердца. *Братіе*, пишетъ онъ въ другомъ посланіи, *не будьте дѣти умою; на злое будьте, какъ дѣти, а умою, какъ совершеннолѣтніе* (Кор. XIV. 20). Не и будьте не смысленными, а старайтесь разузнавать, что есть воля Божія, будьте готовы дать отчетъ всякому вопрошающему васъ о вашей *вѣрѣ*, — отчетъ то есть въ томъ, во что или какъ мы вѣруемъ, а если нужно и возможно, то и по чему такъ вѣруемъ, ища конечно основанія прежде всего въ словѣ Божіемъ, или въ Богомъ вдохновенныхъ писаніяхъ, или по крайней мѣрѣ въ духъ этихъ писаній, — въ истинахъ, господствующихъ въ нихъ, такъ сказать, надъ всѣми прочими, а въ случаѣ нужды и въ началахъ собственного разума, если изъ нихъ не будетъ выходить чего нибудь противнаго слову Божію, на что даетъ право и самъ Иисусъ Христосъ въ словахъ обращенныхъ однажды къ Иудейск. учителямъ, *испытуйте писаніе*, и тутъ взять вышше слово.

Впрочемъ и смиреніе и простота сердца мало располагать человѣка къ принятію дара вѣры, если не будетъ въ немъ сосредоточенности въ себѣ. Посему то третьимъ условіемъ вѣры должна быть *сосредоточенность, вниманіе къ себѣ и трезвый, серьезный взглядъ на жизнь*. Человѣкъ разсѣянный, а при этомъ ужь непременно легкомысленный, хотя и воспріимчивъ относительно вѣры, но скоро можетъ ослабѣвать и совсѣмъ потерять ее. Были примѣры, что и разсѣянные люди, какъ напримѣръ Марія Египетская, въ дни своей грѣш. жизни при особенной впечатлительности, могли преуспѣвать въ вѣрѣ, вдругъ замыкались, такъ сказать, внутрь себя и отвергались всего, что могло бы полагать препоны дѣлу ихъ спасенія. Но такіе люди чрезвычайно рѣдки. Изъ нихъ до большей части выходятъ фанатики, одушевляющіе себя самолюбіемъ, а не Божіимъ духомъ, при томъ же сильная впечатлѣнія, вызывающія человѣка вдумываться въ себя, случайны, или свыше отъ Бога. Но на случай рассчитывать неразумно, а ждать ихъ свыше, значить искушать Бога. Наконецъ нужно замѣтить и то, что, при крайней разсѣянности, и самыя сильныя впечатлѣнія проходятъ безслѣд-

но, тогда какъ, при всегдашнемъ вниманіи къ себѣ, и матѣр-
нія впечатлѣнія религіознаго характера, время отъ времени
сближаясь, собираются въ одинъ лучъ и глубоко проходя
въ сердце, все сильнѣе и сильнѣе содѣйствуютъ укрѣпленію
въ немъ вѣры; въ разсѣянномъ человѣкѣ одно впечатлѣніе
смѣняетъ и закрываетъ другое, а потому исчезаетъ безслѣд-
но. На такой зыбкой почвѣ вѣра не найдетъ куда пустить и
въ чемъ укрѣпить свои корни; чувство вѣры, колеблясь во
все стороны, болѣе и болѣе истощается и наконецъ замираетъ
совсѣмъ, обращаясь по большей части въ индифферентизмъ,
съ какимъ вѣрующіе обыкновенно одинаково относятся ко
всѣмъ религіознымъ ученіямъ, или теряясь въ одной обряд-
ности. Рѣже послѣдствія отъ развлеченія множествомъ жи-
тейскихъ дѣлъ, когда они намъ не подъ силу, и вообще отъ
излишней житейской попечительности, коими отличается на-
ша мірская жизнь,—этой попечительности, которая у иныхъ
поглощаетъ все мысли и чувства. Вѣра въ непосредственной
связи съ самыми внутренними и существенными потребно-
стями нашего духа. Но когда внѣшнія и случайныя потреб-
ности выступаютъ у насъ на первый планъ и закрываютъ
собою первыя, какая тутъ вѣра?

Четвертое условіе вѣры должно быть упражненіе въ чте-
ніи или слышаніи слова Божія, непременно *съ сердечнымъ
желаніемъ и рѣшимостію исполнять угодно Богу. Иже хо-
щеть волю Его творити*,—говорить Господь вѣрующимъ,
объявляя имъ, почему они не признаютъ Его посланникомъ
Божіимъ и какъ будто не понимаютъ словъ Его—*тотъ ра-
зумнѣтъ о увещаніи, кое отъ Бога есть, или изъ себя гла-
голю*. А въ комъ слѣд. этого нѣтъ, тотъ и не уразумѣтъ,
а слѣдовательно нужно прибавить—и не повѣритъ. Отъ чего?
Отъ того, что ученіе Христово требуетъ самоотверженія и
рѣшительнаго измѣненія всей жизни, по волѣ Божіей, на что
у него не достаетъ не только рѣшимости, но и никакого рас-
положенія. Корытолюбивый правитель Іудей Феликсъ однаж-
ды съ женою своею призываетъ къ себѣ Ап. Павла, содер-
жавшагося у него подъ стражей, желая его послушать; но
когда рѣчь Ап. Павла зашла о правдѣ, воздержаніи и буду-
щемъ судѣ, смутился,—сказано въ книгѣ Апост. Дѣяній—и
сказалъ: *иди теперь; когда буду имѣть время, еще позво-
ужу тебѣ*. (Дѣя. XXIV. 24,—25). И дѣйствительно послѣ сего онъ
не рѣдко призывалъ его къ себѣ изъ темницы и бесѣдовалъ

съ нимъ, т. е. вѣроятно, спрашивая его о разныхъ предметахъ Христіанской вѣры, но не ради того, чтобъ узнать волю Божию и съ ней потомъ сообразоваться въ своей жизни, а изъ одного любопытства и для развлечения себя, а думалъ воть о чемъ: не заговорить ли этотъ узникъ, за котораго такъ много вѣрующихъ ходатайствовало предъ нимъ, о своемъ выкупѣ изъ темничнаго заключенія. (Дѣя. XXIV: 26) Деньги — воть что было божествомъ его. Получить побольше бы денегъ отъ Апостола, или отъ его приверженцевъ, ему казалось важнѣе всего наслѣдія царствія небеснаго, о которомъ проповѣдывать Апостолъ; возвыситься въ земномъ царствѣ — воть на что ему нужны были всѣ средства.

Пятое условіе вѣры — сердечная къ Богу *молитва*. Корнилій, Римскій сотникъ, какъ язычникъ, не зная истиннаго Бога, — молился Богу невѣдомому, прося Его, чтобъ Онъ Самъ явилъ ему Себя и открылъ ему истину. И что же? Господь услышалъ молитву благочестиваго язычника; посылаетъ къ нему Ангела своего съ наставленіемъ ему пригласить къ себѣ нѣкотораго мужа, проживавшаго въ то время въ одномъ сосѣднемъ городѣ, по имени Петра, при чемъ ему указанъ былъ самый домъ, гдѣ проживаетъ онъ. Это былъ Ап. Петръ. А Петра, — предъ самымъ приходомъ къ нему посланныхъ отъ Корнилія, когда уже они стали стучаться у дверей его квартиры — однимъ виднѣишемъ располагаетъ не противиться приглашенію язычника. Апостолъ повинуется, приходитъ въ домъ Корнилія, гдѣ въ ожиданіи его уже были собраны всѣ родные и друзья сотника. Что жъ вышло? Апостолъ не успѣлъ еще кончить своей проповѣди, какъ на всѣхъ слушавшихъ его сошелъ Духъ Святой, почти также, какъ нѣкогда въ Сионской горницѣ на Апостоловъ, потому что всѣ они, говорятъ Ап. Лука, стали славить Бога на неизвѣстныхъ имъ языкахъ. Изумленный Апостолъ долженъ былъ прекратить свою проповѣдь и скорѣе запечатлѣть всѣхъ ихъ печатію крещенія. Съ какою значить сильною вѣрою Корнилій со всѣмъ своимъ домомъ вливалъ въ себя слова Апостольской проповѣди. Воть какова сила молитвы Корнилія! Она вразумила его, во что онъ долженъ вѣрить, — сообщила новой вѣрѣ такую силу, что въ домъ его нѣкоторымъ образомъ, какъ мы уже замѣтили, повторилось чудо Сионской горницы въ день пятидесятницы; естеств. вѣра сотника по молитвѣ преобразилась въ хри-

стіанскую и въ такой силѣ, что сдѣлалась чудодѣйственной, какъ истинно даръ Божій.

Теперь положимъ, что вѣра наша болѣе, или менѣе подходит подъ образецъ вѣры Авраама, — отпа вѣрующихъ. Довольно ль этого для того, чтобъ ужъ считать себя совершеннымъ истиннымъ христіаниномъ и живымъ членомъ православной христіанской церкви? Для вступленія только въ союзъ съ нею конечно довольно, но для принятаго уже въ сей союзъ недостаточно, если онъ своей вѣры не позаботится оправдать жизнию, соответственно своей вѣрѣ. *Не всякъ глаголю ми: Господи, Господи, и не увидитъ въ царствіе небесное;* не разъ это повторялъ Господь, — *но творяи союзу Отца Моего,* Вѣра соединяетъ насъ со Христомъ и Его церковію съ тѣмъ, чтобъ вся наша жизнь принадлежала Христу; чтобъ, въ союзѣ съ Нимъ, посредствомъ ея, почерпая отъ полноты Его *вса силы, яже къ животу и блаженствію,* мы наконецъ могли содѣлаться причастниками и Его Божественнаго естества. Иначе объ насъ можно будетъ сказать подобное тому, что Апостоль Павелъ отвѣчалъ Иудеямъ, гордившимся предъ язычниками знаніемъ закона Божія, слѣдовательно знаніемъ воли Божіей, и своимъ обрѣзаніемъ, а жившимъ какъ бы безъ закона. *Ты, отвѣчалъ Онъ, называешься иудеемъ и полагаешься на законъ и хвалишься Богомъ, — что изъ закона Его знаешь болю Его и разумьешь лучшее и потому считаешь себя путеводителемъ слѣпыхъ, наставникомъ невѣждъ. Но что же, уча другихъ, не учишь самаго себя? Хвалишься закономъ и преступленіемъ закона только безчестишь Бога между язычниками. Въ такомъ случаѣ что изъ того, что ты иудей, обрѣзанный? Обрѣзаніе тогда полезно, когда ты исполняешь законъ; а когда преступаешь его, то обрѣзаніе твое не обрѣзаніе. Если не обрѣзанный, да исполнялъ бы правила своей закона (т. е. совѣсти), то не былъ ли бы онъ почтенъ наравнѣ съ обрѣзаннымъ? Еще болѣе; необрѣзанный, если бы только исполнялъ законъ, еще бы и осудилъ тебя, что ты при писаніи, и при обрѣзаніи преступаешь законъ. (Рим. VI. 1).* Такъ, елибъ при чистотѣ вѣры, мы стали вести жизнь, не соответствующую вѣрѣ, то на судъ Божию противъ насъ встанетъ всякій язычникъ, иудей и иновѣрецъ, жившій по убѣжденіямъ своей вѣры. Такую вѣру Ап. Іаковъ называетъ мертвою. *Яко же тѣло безъ духа мертво, есть, говоритъ онъ, тако и вѣра безъ дѣлъ мертва есть.* Если безъ дѣлъ она мертва,

то какъ тѣло безъ души постепенно разрушается и наконецъ обращается въ прахъ: такъ и вѣра безъ соотвѣтствующей жизни постепенно же, мало по малу, незамѣтно истощается, слабѣетъ и наконецъ тоже обращается въ ничто; — остается развѣ только въ мысляхъ и словахъ, а не въ сердцахъ, гдѣ ей собственно и мѣсто, ея уже не будетъ. Вѣра, укрѣпляя насъ въ каждомъ добромъ христіанскомъ дѣлѣ, съ тѣмъ вмѣстѣ и сама укрѣпляется; а безъ того убѣжденія въ истиннахъ вѣры, время отъ времени, незамѣтно слабѣютъ: ибо чѣмъ глубже человѣкъ погружается въ чувственную жизнь, тѣмъ все менше и менше остается въ нихъ ему утѣшительнаго, тѣмъ наконецъ они становятся ему противны и страшны. А какъ вѣрить въ то, отъ чего отвращается сердце? Ему хотѣлось бы, чтобъ угрозы вѣры за жизнь его были недействительны; а это желаніе побуждаетъ разумъ изыскивать сомнѣнія, а сомнѣнія скоро обращаются уже и въ положительное мнѣніе. Посмотрите на Соломона, какъ онъ предался постыдному идолослуженію, по своей преступной страсти къ иноплеменницамъ. Сколько было и другихъ людей, которые, по выраженію Апостола, заблудились въ вѣрѣ, отвергнувъ внушеніе совѣсти!

И такъ благо тому, кто, по испытаніи своей вѣры, окажется твердо и право вѣрующимъ, но да помнитъ таковой, что безъ доброй жизни, ей соотвѣтствующей, и самая твердая вѣра можетъ время отъ времени ослабѣвать, а наконецъ и совсѣмъ изсякнуть. Да не унываетъ впрочемъ и тотъ, въ комъ оказалась бы она и въ слабой степени. Господь не рѣдко и самихъ Апостоловъ своихъ укорялъ въ маловѣрїи и косности сердца, и однако же, при содѣйствїи благодати Его, впоследствии они сдѣлались образцами вѣрующаго. Жизнь не по вѣрѣ — вотъ что всего чаще ослабляетъ въ насъ вѣру. Итакъ покаяніе, молитва и исправленіе, — вотъ средства для укрѣпленія своей вѣры! Кромѣ сего пусть онъ убѣгаетъ людей, питающихъ въ себѣ заблужденія, осуждаемая церковію, уклоняется отъ собраній и бесѣдъ, въ какихъ проповѣдуется нечестіе и разсѣваются неправые толки о вѣрѣ, отвращается книгъ, исполненныхъ суемудрїи и соблазновъ. Самыя нечестивыя мысли, отъ частаго прираженія къ нашему сердцу,

мало по малу пробиваютъ себѣ къ нему дорогу и исползоволь, т. е. вытѣсняють изъ него все, что въ немъ было добраго. Да, сперва они кажутся противными мужу вѣрующаго, потомъ уже обыкновенными, потомъ пойдутъ ослаблять прежнія убѣждения, а наконецъ вовсе ихъ вытѣснятъ. Горе тому, кто совѣсть уже потерялъ вѣру, или омрачилъ ее мудрованіями лишеннаго разума. Впрочемъ есть примѣры, что и такіе обращались отъ своихъ заблужденій и дѣлались потомъ достойными сынами церкви. Ихъ напрасно стали бы мы приглашать къ молитвѣ и покаянію; а сами должны за нихъ молиться Господу, да возбудитъ Онъ въ нихъ чувство смиренномудрія и покаянія; и Самъ поможетъ ихъ вѣрѣ; но всего надежнѣе — усиленная за нихъ молитва тѣхъ вѣрующихъ, которые связаны съ ними узами родства и дружбы. Преклонивъ на молитвы ихъ вѣры, Господь можетъ быть послать имъ какое нибудь вразумляющее знаменіе. Аминь.

Противъ М. Скриабина.

Отъ Семинарскаго Правленія.

Въ Семинар. церковь пожертвованы Сем. Оед. Шведовымъ три покрывала для аналогіемъ изъ блага гласета, воспитанникомъ VI кл. Вас. Кутеновымъ воздуха изъ темноголубаго бархата.

Слово на св. Пасху. — Слово въ недѣлю православія

Редакторъ, Ректоръ Семинаріи, Архимандритъ *Димитрій.*

Печ. дов. Царскій Магистръ Протоіерей П. Пилипчикъ. Апрель 15 дня 1883 года.

Воронежъ. Изд. типографіи В. П. Цаева.